

Классика
в школе и дома

Сказки зарубежных писателей

Москва

2015

УДК 82-34
ББК 84(0)-44
С42

Оформление серии *О. Горбовской*

Сказки зарубежных писателей : [переводы]. — Москва :
С42 Издательство «Э», 2015. — 256 с.

ISBN 978-5-699-84806-5 (КвШ)

ISBN 978-5-699-84802-7 (Вн. Чт.)

В книгу включены сказки зарубежных писателей, изучаемые на уроках литературы в начальной школе и 5-6-х классах.

УДК 82-34
ББК 84(0)-44

ISBN 978-5-699-84806-5 (КвШ)
ISBN 978-5-699-84802-7 (Вн. Чт.)

© Петников Г., перевод. Наследники, 2015
© Озерская Т., перевод. Наследники, 2015
© Любарская А., пересказ. Наследники,
2015
© М. Салье, перевод. Наследники, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Ханс Кристиан АНДЕРСЕН
(1805—1875)

ГАДКИЙ УТЕНОК

Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь пожелтела, овсы зеленели, сено было сметано в стога; по зеленому лугу шагал аист на длинных красных ногах и болтал по-египетски — этому языку его научила мать. За полями и лугами раскинулся большой лес, в чаще его таились глубокие озера. Да, хорошо было за городом! Солнце озаряло старинную усадьбу, окруженную глубокими канавами с водой; вся полоса земли между этими канавами и каменной оградой заросла лопухом, да таким высоким, что малые ребята могли стоять под самыми крупными его листьями выпрямившись во весь рост. В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то и сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это порядком надоело, потому что навещали ее редко, — другим уткам было скучно торчать в лопухе да крякать вместе с нею, им больше нравилось плавать по канавам.

Но вот, наконец, яичные скорлупки треснули. «Пи-и! Пи-и!» — послышалось из них. Это зародыши стали утятами и высунули головки из скорлупок.

— Скорей! Скорей! — закрякала утка.

И утята заторопились, кое-как выкарабкались на волю и стали осматриваться и разглядывать

зеленые листья лопуха. Мать им не мешала: зеленый свет полезен для глаз.

— Как велик мир! — закрикали утята.

Еще бы! Теперь им было куда просторнее, чем в скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что мир весь тут? — сказала мать. — Нет! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, к пасторскому полю, но там я никогда в жизни не бывала... Ну, вы все здесь? — И она встала. — Ах, нет, не все! Самое большое яйцо целехонько! Да когда же это кончится? Вот незадача! До чего мне это надоело!

И она опять уселась.

— Ну, как дела? — спросила, заглянув к ней, одна старая утка.

— Да вот еще яйцо осталось, — ответила молодая утка. — Сижу, сижу, а оно все не лопается! Но ты посмотри на деток — до чего хороши! Ужасно похожи на отца! А он, беспутный, и не навестил меня ни разу!

— Дай, я осмотрю яйцо, которое еще не треснуло, — сказала старая утка. — Наверное, индюшечье! Меня тоже надули раз. Ну и маялась же я, когда вывела индюшат! Они ведь страсть как боятся воды; уж я и крикала, и звала, и толкала их в воду — не идут, да и только! Дай же мне взглянуть на яйцо. Ну, так и есть! Индюшечье! Брось его; лучше учи своих утят плавать.

— Нет, пожалуй, все-таки посижу, — отозвалась молодая утка. — Столько просидела, что потерплю еще немножко.

— Ну, как знаешь, — сказала старая утка и ушла.

Наконец, треснула скорлупа самого большого яйца. «Пи-и! Пи-и!» — и вывалился огромный безобразный птенец. Утка оглядела его.

— Вот так верзила! — крикнула она. — И ничуть не похож на остальных. Неужели это индюшонок? Ну, плавать он у меня все равно будет: заупрямится — столкну в воду.

На другой день погода выдалась чудесная, зеленый лопух был весь залит солнцем. Утка забрала всю свою семью и заковыляла к канаве. Бултых! — утка шлепнулась в воду.

— За мной! Скорей! — крикнула она утятам, и те один за другим посыпались в воду.

Сначала они скрылись под водой, но тотчас вынырнули и весело поплыли, лапки у них усердно работали; и безобразный серый утенок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Ишь как славно гребет лапками, как прямо держится! Нет, это мой родной сын! И, право же, недурен собой, надо только присмотреться к нему. Ну, скорей, скорей, за мной! Сейчас отправимся на птичий двор, я буду вводить вас в общество. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь на вас не наступил, да остерегайтесь кошки.

Вскоре утка с утятами добралась до птичьего двора. Ну и шум тут стоял, ну и гам! Две семьи дрались из-за головки угря, но она в конце концов досталась кошке.

— Вот как бывает в жизни! — сказала утка и облизнула язычком клюв: ей тоже хотелось отведать рыбьей головки. — Ну, ну, шевелите лапками! — приказала она утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке. Она здесь самая знатная. Испанской породы,

потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток? До чего красив! Это знак высшего отличия, какого только может удостоиться утка. Он означает, что хозяева не хотят с ней расставаться; по этому лоскутку ее узнают и люди и животные. Ну, скорей! Да не держите лапки рядышком. Благовоспитанный утенок должен держать лапки врозь и вкось, как их держат ваши родители. Вот так! Кланяйтесь теперь и крикайте!

Утята поклонились и крикнули, но другие утки только оглядывали их и говорили громко:

— Ну вот, еще целая орава! Будто нас мало было! А один-то какой безобразный! Нет, этого мы не примем!

И одна утка мгновенно подскочила и клюнула утенка в затылок.

— Не трогайте его! — сказала утка-мать. — Что он вам сделал? Ведь он никому не мешает.

— Так-то так, но очень уж он велик, да и чудной какой-то! — заметила утка-забияка. — Надо ему задать хорошую трепку!

— Славные у тебя детки! — проговорила старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все очень милы, кроме одного... Этот не удался! Хорошо бы его переделать.

— Никак нельзя, ваша милость! — возразила утка-мать. — Правда, он некрасив, но сердце у него доброе, да и плавает он не хуже, пожалуй, даже лучше других. Может, он со временем похорошеет или хоть ростом поменьше станет. Залежался в скорлупе, оттого и не совсем удался. — И она провела носиком по перышкам большого утенка. — К тому же он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Вырастет — пробьет себе дорогу!

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка. — Ну, будьте как дома, а если найдете угриную головку, можете принести ее мне.

Вот они и стали вести себя как дома. Только бедного безобразного утенка — того, что вылупился позже других, — обитатели птичьего двора клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все — и утки и куры.

— Больно уж он велик! — говорили они.

А индюк, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, налетел на утенка и залопотал так сердито, что гребешок у него налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, как быть. Надо же ему было родиться таким безобразным, что весь птичий двор его на смех поднимает!

Так прошел первый день; потом стало еще хуже. Все гнали беднягу, даже братья и сестры сердито кричали на него:

— Хоть бы тебя утащила кошка, урод несчастный!

А мать добавляла:

— Глаза бы мои на тебя не глядели!

Утки клевали его, куры щипали, а девушка, что кормила домашнюю птицу, толкала утенка ногой.

Но вот утенок вдруг перебежал двор и перелетел через изгородь! Маленькие птички испуганно выпорхнули из кустов.

«Меня испугались, — вот какой я безобразный!» — подумал утенок и пустился наутек, сам не зная куда. Бежал-бежал, пока не попал на большое болото, где жили дикие утки.

Усталый и печальный, он просидел там всю ночь.

Утром дикие утки вылетели из гнезд и увидели новичка.

— Ты кто такой? — спросили они; но утенок только вертелся да раскланивался, как умел.

— Вот безобразный! — сказали дикие утки. — Впрочем, это не наше дело. Только смотри не вздумай с нами породниться!

Бедняжка! Где же ему было думать о женьтибе! Лишь бы позволили ему просидеть тут в камышах да попить болотной водицы — вот и все, о чем он мечтал.

Два дня провел он на болоте, на третий явились два диких гусака. Они недавно вылупились из яиц и потому выступали очень гордо.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой безобразный, что, право, даже нравишься нам. Хочешь летать с нами? Будешь вольной птицей. Недалеко отсюда, на другом болоте, живут премиленькие дикие гусыни. Они умеют говорить: «Рап, рап!» Хоть ты и урод, но — кто знает? — может, и найдешь свое счастье.

«Пиф! Паф!» — раздалось вдруг над болотом, и гусаки замертво рухнули в камыши, а вода окрасилась кровью. «Пиф! Паф!» — раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пальба разгорелась. Охотники оцепили все болото, некоторые укрылись в ветвях нависших над ним деревьев. Клубы голубого дыма окутывали деревья и стлались над водой. По болоту шлепали охотничьи собаки и, пробиваясь сквозь камыш, раскачивали его из стороны в сторону. Бедный утенок, ни

живой ни мертвый от страха, хотел было спрятать голову под крыло, как вдруг над ним склонилась охотничья собака, высунув язык и сверкая злыми глазами. Она разинула пасть, оскалила острые зубы, но... шлеп! шлеп! — побежала дальше.

— Пронесло! — И утенок перевел дух. — Пронесло! Вот, значит, какой я безобразный, — собаке и той противно до меня дотронуться.

И он притаился в камышах, а над головой его то и дело гремели выстрелы, пролетали дробинки.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок еще долго боялся пошевелиться. Прошло несколько часов, и наконец он осмелился встать, оглядеться и снова тронуться в путь по полям и лугам. Дул ветер, да такой сильный, что утенок с трудом продвигался вперед.

К ночи он добрался до какой-то убогой избушки. Она так обветшала, что готова была упасть, только не решила еще, на какой бок ей падать, и потому держалась. Утенка так и подхватывало ветром, — приходилось садиться на землю.

А ветер все крепчал. Что было делать утенку? К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит криво, — сквозь эту щель нетрудно было проскользнуть внутрь. Так он и сделал.

В этой избушке жила старушка хозяйка с котом и курицей. Кота она звала «сыночком»; он умел выгибать спинку, мурлыкать, а когда его гладили против шерсти, от него даже летели искры. У курицы были маленькие, коротенькие ножки — вот ее и прозвали «корот-

коножкой»; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром пришельца заметили: кот принялся мурлыкать, а курица кудахтать.

— Что там такое? — спросила старушка, осмотрелась, заметила утенка, но сослепу приняла его за жирную утку, которая отбилась от дома.

— Вот так находка! — сказала она. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну, да поживем — увидим!

И утенка приняли на испытание. Но прошло недели три, а он так и не снес ни одного яйца. Господином в доме был кот, а госпожою курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!» Себя они считали половиной всего света, притом лучшей его половиной. Утенку же казалось, что на этот счет можно быть и другого мнения. Курица, однако, этого не потерпела.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

— Нет.

— Так и держи язык за зубами.

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, мурлыкать и пускать искры?

— Нет.

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят те, кто умнее тебя.

Так утенок все и сидел в углу, нахохлившись. Как-то раз вспомнил он свежий воздух и солнце, и ему до смерти захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Ишь чего выдумал! — отозвалась она. — Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и ле-

зет! Неси-ка лучше яйца или мурлычь — вот дурь-то и пройдет!

— Ах, как мне было приятно плавать! — сказал утенок. — А что за наслаждение нырять в самую глубину!

— Хорошо наслаждение! — воскликнула курица. — Ну, конечно, ты совсем рехнулся! Спроси кота, он умнее всех, кого я знаю, нравится ли ему плавать и нырять? О себе самой я уж и не говорю. Спроси, наконец, у нашей старушки хозяйки, умнее ее нет никого на свете. По-твоему, и ей хочется плавать и нырять?

— Не понять вам меня! — сказал утенок.

— Если уж нам не понять, так кто же тебя поймет? Может, ты хочешь быть умней и кота и хозяйки, не говоря уж обо мне? Не глупи, а благодари лучше Создателя за все, что для тебя сделали. Приютили тебя, пригрели, приняли в свою компанию — и ты от нас многому можешь научиться, но с таким пустоголовым, как ты, и говорить-то не стоит. Ты мне поверь, я тебе добра желаю, потому и браню тебя — истинные друзья всегда так делают. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да пускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! — сказал утенок.

— Скатертью дорога! — отозвалась курица.

И утенок ушел. Он плавал и нырял, но все животные по-прежнему презирали его за уродливость.

Настала осень, листья на деревьях пожелтели и побурели, ветер подхватывал и кружил их; наверху, в небе, стало холодно; нависли тяжелые облака, из которых сыпалась снежная крупа. Ворон, сидя на изгороди, во все горло

каркал от холода: «Крра-а! Крра-а!» От одной мысли о такой стуже можно было замерзнуть. Плохо приходилось бедному утенку.

Как-то раз, под вечер, когда солнце так красиво закатывалось, из-за кустов поднялась стая чудесных больших птиц, утенок в жизни не видывал таких красивых — белоснежные, с длинными гибкими шеями! То были лебеди. Они закричали какими-то странными голосами, взмахнули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в теплые края на синие озера. Высоко-высоко поднялись они, а бедного безобразного утенка охватило смутное волнение. Он волчком завертелся в воде, вытянул шею и тоже испустил такой громкий и странный крик, что и сам испугался. Чудесные птицы не выходили у него из головы, и, когда они окончательно скрылись из виду, он нырнул на самое дно, вынырнул, но все никак не мог прийти в себя. Утенок не знал, как зовут этих птиц и куда они улетели, но полюбил их так, как не любил до сих пор никого на свете. Он не завидовал их красоте. Быть похожим на них? Нет, ему это и в голову не могло прийти! Он был бы рад, если бы хоть утки-то его от себя не отталкивали. Бедный безобразный утенок!

А зима стояла холодная-прехолодная. Утенку приходилось плавать без отдыха, чтобы не дать воде замерзнуть, но с каждой ночью свободное ото льда пространство все уменьшалось. Морозило так, что лед трещал. Утенок без усталости работал лапками, но под конец обессилел, замер и примерз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин и увидел замерзшего утенка. Он пробил лед сво-

ими деревянными башмаками, отнёс утёнка домой и отдал его жене. В доме крестьянина утёнка отогрели.

Но вот дети как-то раз задумали поиграть с утенком, а он вообразил, что они хотят его обидеть, и со страха шарахнулся прямо в миску с молоком. Молоко расплескалось, хозяйка вскрикнула и всплеснула руками, а утенок взлетел и угодил в кадку с маслом, а потом в бочонок с мукой. Ох, на что он стал похож! Крестьянка кричала и гонялась за ним с щипцами для угля, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали, визжали. Хорошо, что дверь была открыта: утенок выбежал, кинулся в кусты, прямо на свежеевыпавший снег, и долго-долго лежал в оцепенении.

Грустно было бы описывать все злоключения утенка в течение этой суровой зимы. Когда же солнце стало снова пригревать землю своими теплыми лучами, он залег в болото, в камыши. Вот запели и жаворонки. Наступила весна.

Утенок взмахнул крыльями и полетел. Теперь крылья его шумели и были куда крепче прежнего, — не успел он опомниться, как очутился в большом саду. Яблони тут стояли все в цвету, душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом.

Ах, как тут было хорошо, как пахло весной! Вдруг из зарослей выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, словно скользили по воде. Утенок узнал красивых птиц, и его охватила какая-то странная грусть.

«Полечу-ка я к этим царственным птицам! Они, наверное, убьют меня за то, что я, такой